

Текст · 4 ноября 2021, 08:59

Олег Зурман,

«Хотели привлечь внимание к местным проблемам». На свободу вышли активисты, получившие по четыре года за пикет в день «революции» Мальцева

Яна Сидорова и Владислава Мордасова задержали 5 ноября 2017 года в центре Ростова, когда они вышли на пикет у здания регионального правительства. Молодые люди развернули плакаты «Верните землю ростовским погорельцам^[1]» и «Правительство в отставку» — и тут же были схвачены полицейскими.

В этот же день по всей стране были задержаны около 450 человек — сторонников политика Вячеслава Мальцева, который под лозунгом «не ждем, а готовимся» назначил на 5 ноября «революцию». Десятки его последователей стали фигурантами уголовных дел. Сам Мальцев к этому времени покинул Россию, движение «Артподготовка» суд признал экстремистской организацией, а московскую группу активистов — и вовсе террористической.

18-летнего студента колледжа при Южно-Российском институте РАНХиГС Яна Сидорова и 22-летнего литейщика Владислава Мордасова после задержания с плакатами обвинили в покушении на организацию массовых беспорядков^[2]. Был и третий фигурант дела — 18-летний помощник бухгалтера Вячеслав

Шашмин. Он тоже пришел к ростовскому правительству, но плакат не доставал, ему вменили покушение на участие в беспорядках^[3].

По версии следствия, ростовские сторонники Мальцева планировали не просто выйти на пикет, а захватить здание областного правительства. Следственный комитет утверждал, что именно 22-летний Мордасов «с целью дестабилизации политической ситуации в стране и подбора соратников для проведения "силовых акций"» создал в телеграме чат «Революция 5/11/17 Ростов-на-Дону».

Администратором чата был 18-летний Ян Сидоров. По версии СК, вступившие в чат молодые люди собирались устроить «поджоги, погромы, уничтожить имущество», а также «нанести телесные повреждения» полицейским и другим представителям власти. При этом Шашмин, по словам адвоката, только состоял в чате и не оставил там ни одного сообщения.

Молодые люди рассказывали, что после задержания их сначала избили в отделе полиции, а Мордасов подвергся пыткам и в управлении СК. Возбуждать уголовные дела по жалобам молодых людей на насилие не стали.

Доказательствами обвинения по делу стали экспертизы сообщений в чате «Революция 5/11/17 Ростов-на-Дону» и первые признательные показания, от которых обвиняемые затем отказались. По словам Сидорова и Мордасова, они действительно состояли

в оппозиционном чате, но никогда не призывали к насилию.

«Если подробно изучить наши показания в суде, то становится понятно, что мы хотели просто в какой-то мере использовать известность данного события-^[4], чтобы привлечь внимание к нашим местным проблемам, — говорит Сидоров уже после выхода на свободу. — В целом он (Мальцев) для меня был просто такой же политик, как Навальный, то есть люди, от которых я был далек, как тогда, так и сейчас».

Мордасов добавляет, что идеи Мальцева они с Сидоровым по большому счету не разделяли, а лишь интересовались его видеоблогом в ютубе (сейчас канал «Артподготовка» заблокирован на территории России).

Показания против молодых активистов дали их приятели и несколько участников чата. Позже они отказались от показаний, сказав, что на допросе следователи оказывали на них давление — и уехали из России.

Два года Сидоров и Мордасов провели в СИЗО. 19 октября Ростовский областной суд признал их виновными в подготовке массовых беспорядков и назначил каждому по 6 лет и 7 месяцев лишения свободы в колонии строго режима.

«Российский суд показал себя во всей красе, — вспоминает свои впечатления от процесса Ян Сидоров. — Когда начался суд, я почти два года находился в СИЗО, а там общаешься с другими,

такими же несчастными людьми. И в России это во многом законная практика: что люди, не совершавшие преступления или совершавшие не то, за что их судят, по итогу попадают в места не столь отдаленные. Поэтому в целом я был готов к такому поведению суда. Конечно же, это нельзя назвать ни законом, ни справедливостью».

Владислав Мордасов говорит, что тогда даже обрадовался сроку, поскольку прокурор запрашивал им по 8,5 лет. Вячеслав Шашмин, признанный виновным в покушении на участие в беспорядках, отделался условным сроком. В апелляционной инстанции приговор устоял, а в 2020 году Верховный суд сократил сроки Мордасову и Сидорову до 4 лет — первого отправили отбывать наказание в ИК-9 в городе Шахты, а второго в Димитровград в ИК-10.

В колониях, по словам Сидорова и Мордасова, какого-то существенного давления на них не оказывали — ни сотрудники, ни осужденные. «Администрация относилась [ко мне] в рамках правового поля, никаких противоправных действий ко мне я не видел, — рассказывает Мордасов. — Да, бывали у меня нарушения, совершенно справедливо мне за это выносили взыскания, никакого предвзятого отношения не было. Даже скорее снисходительное, можно сказать. С осужденными тоже проблем не было, отношение уважительное. Никто не давил».

Владислав Мордасов (справа) и Ян Сидоров (слева) во время заседания Южного военного суда. Фото: Василий Дерюгин / Коммерсант

Пару раз Ян Сидоров попадал в ШИЗО, но говорит, что «это все-таки нельзя назвать каким-то откровенным давлением». Оба уделяли много времени чтению книг и самообразованию, Сидоров чуть больше года отработал на деревообрабатывающем производстве: «Немножко освоил профессию оператора станка. Выпускали декоративную мебель, экраны на батареи, вплоть даже до декоративных каминов. Платили по 500 рублей в месяц. Я сам туда пошел, чтобы как-то себя занять, приобрести какие-то навыки».

Он долго привыкал к своему новому положению, а острее всего скучал по родным — оба получали много писем и открыток, Мордасову писали даже из США и Швейцарии. В какой-то момент корреспонденции стало так много, что ему пришлось завести для писем отдельную сумку.

«Другим заключенным было необычно видеть человека, у которого такое дело, такая статья, — вспоминает Сидоров. — Может быть, когда-то было

другое отношение к политзаключенным, но сейчас такие политические дела — редкость, и людей, кто по ним сидит, не так много».

В 2020 году оба попытались выйти на свободу по УДО, но обоим суды отказали. «Я изначально и не рассчитывал, что мне одобряют, — признается Мордасов. — Если справедливо, то не было у меня достаточных достижений, чтобы получить такую меру поощрения. Если смотреть изначально — я осужден совершенно несправедливо, но если рассматривать абстрактно условно-досрочное, то должно быть много поощрений, должен быть трудоустроен, должен трудиться добросовестно. У меня этого всего не было. Поэтому я спокойно воспринял этот отказ».

Последний день в колонии Владислав Мордасов провел за многочисленными «чаепитиями» с другими зеками: «Барак, в котором я жил полтора года, как раз в середине лета расселили, и мы разъехались по всей остальной колонии. И поэтому пришлось туда-сюда по всем баракам собирать чаепития. Все мне желали очень много добра».

На выходе из колонии его встречали два десятка людей: родственники, друзья и правозащитники.

За время суда Сидоров и Мордасов, которые перед пикетом были лично знакомы всего несколько дней, близко сошлись и стали друзьями. Сейчас они вместе планируют заняться правозащитой — покидать Россию они не собираются. «Каждый из нас должен делать хотя бы немножко, вкладывать свои силы, чтобы несправедливости становилось меньше,

— рассуждает Ян Сидоров. — Пусть это будет даже маленький уровень, а не сразу менять систему — законными способами, как мне вот подсказывает мама^[5]. Нужно своими силами делать страну лучше».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. «Ростовские погорельцы» — люди, пострадавшие во время крупного пожара в частном секторе в конце августа 2017 года. По официальным данным, огонь уничтожил 118 построек, пострадали более 600 человек, один погиб. Местные жители рассказывали, что накануне пожара им угрожали, требуя продать дома и землю под строительство. Источники ТАСС говорили об умышленных поджогах.
2. Часть 3 статьи 30 УК и часть 1 статьи 212 УК.
3. Часть 3 статьи 30 УК и часть 2 статьи 212 УК.
4. Вячеслав Мальцев уверял своих сторонников, что в России 5 ноября 2017 года произойдет «революция».
5. Его мать Надежда Сидорова вмешалась в разговор, когда сын начал говорить о политике.